

ГУМАННОСТЬ ПОРЯДКОВ И ОРГАНИЗОВАННОЕ НАСИЛИЕ: АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. (2022) Гуманность порядков и организованное насилие: анализ тенденций социальной эволюции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 28–46. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.2>

Аннотация. Модель коэволюции социального и ментального порядков используется для теоретического анализа меняющихся функций и масштаба организованного насилия в истории как важнейшего фактора гуманности порядков. Под гуманностью в статье понимается защищенность свободы, достоинства индивидов и их сообществ, доступа к культуре, возможностей достигать своих целей и ценностей (принцип антропростасии). Особое внимание уделено организованному насилию как функциональной (хоть и не всегда эффективной) части структур, обеспечивающих самые разные предметы заботы: защиту от внешнего нападения, подавление мятежей, взимание дани, налогов, демонстрацию силы и могущества, устрашение, сохранение чести, престижа при возмездии, законное наказание за преступления, в том числе насильственные. Сформулированы принципы появления, распространения и угасания практик организованного насилия. В этом контексте проведен анализ принципа техно-гуманитарного баланса, проблемы (ир)рациональности жестоких пыток и публичных казней, причин снижения и роста внутреннего насилия в разных типах обществ модерна. Продолжающееся расширение внешнего и внутреннего принуждения необязательно означает рост насилия, но, напротив, зачастую защищает свободу и достоинство людей, т.е. способствует росту гуманности. Принципиальной границей становится оправданность практик принуждения. Указаны основные характеристики и напряжения нынешнего этапа модернизации, чреватые эскалацией массового насилия, а также принципы глобальных стратегий преодоления этих вызовов.

Ключевые слова: насилие, принуждение, макросоциология, коэволюция порядков, историческая динамика, социальный порядок, ментальный порядок, верховенство права.

Насилие и принуждение — двойственная роль

Социальные порядки считаются гуманными, если обеспечивают защиту жизни, достоинства, свободы и неотъемлемых прав человека (Розов 2019). Если оставить за скобками природные бедствия и техногенные катастрофы (необходимость защиты от которых не вызывает разногласий), то главной угрозой человеку и человечности является сам человек.

Эту угрозу составляют в первую очередь насилие, включающее физическое насилие, депривацию¹ и/или жесткое принуждение². Под последним будем понимать такое навязывание воли, которое основано на угрозах физического насилия самому человеку или его близким и/или депривации, в частности лишения свободы, средств к существованию, разрушения жилища, изъятия, нанесения ущерба собственности, обречение на голод, гибель, болезни в невыносимых условиях и т.п. Насилию часто сопутствуют устрашение и унижение достоинства как важнейшие способы психологического подавления жертвы насилия (Collins 2008).

Признание значимости насилия и контроля над насилием для социальной эволюции и всего хода мировой истории стало в макросоциологии уже общим местом, особенно после публикации книги (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011).

Человек всегда находился под угрозой индивидуального насилия, а начиная с появления политий, имеющих организованную военную силу (вождеств и особенно государств) социальные порядки стали включать организованное насилие, которое использовалось для разбоя, завоеваний, для защиты от подобной же внешней агрессии, а также для политического контроля над членами своего же сообщества (Malešević 2010; 2017).

Этот контроль, с одной стороны, служит для ограничения индивидуального насилия (чему способствует дальнейшее развитие правовых институтов), с другой стороны, само организованное насилие со стороны

¹ Депривация — сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные потребности, психофизиологические либо социальные.

² Другие типы принуждения, основанные на авторитете, договоре, включенности в организационную структуру, на солидарности (родстве, дружбе, любви) предполагают добровольность подчинения чужой воле; они не нарушают принцип свободы, не являются жесткими и не считаются здесь насилием. Далее под принуждением будем понимать именно жесткое принуждение. Проблемным, пограничным случаем является экономическое принуждение (классическое марксистское обвинение классу капиталистов). Такое принуждение является жестким, т.е. насильственным, если при увольнении работник действительно лишен иных возможностей получать средства к существованию в данном месте и по каким-то причинам не может его покинуть.

вождей, элит, государства всегда защищает режим, его бенефициаров, в большей или меньшей мере реализует репрессии против политических конкурентов, недовольных, протестующих. Классическое веберовское определение государства как организации с монополией легитимного насилия на территории указывает как раз на фундаментальную роль организованного насилия в порядках, достигших уровня цивилизации (т.е. с государственностью, городской культурой и развитой письменностью).

Организованное насилие функционально (хоть и не всегда эффективно), оно является частью структур, обеспечивающих самые разные предметы заботы: защиту от внешнего нападения, подавление мятежей, взимание дани, налогов, демонстрацию силы и могущества, устрашение, сохранение чести, престижа при возмездии, законное наказание за преступления, в том числе насильственные.

В каждой культуре и в каждой эпохе одни практики насилия считаются в моральном и/или правовом отношении оправданными, используются государством или влиятельными элитами, другие считаются преступными, подлежащими наказанию и искоренению. В каждом обществе эта граница меняется со временем, кроме того, она по-разному проходит и в разных социальных группах.

Принципы динамики практик насилия

Множество разнообразных практик индивидуального и организованного насилия появлялись, распространялись, запрещались и угасали, хотя, пожалуй, ни одна не исчезла окончательно. Назовем только самые известные: каннибализм, охота за головами, снятие скальпов, человеческие жертвоприношения, набеги и грабежи, войны и завоевания, разрушение жилищ, уничтожение запасов, полей, децимация (убийство каждого выбранного по жребью из десяти солдат), публичные казни и демонстративные пытки, общественное унижение с клетками, побоями, забрасыванием камнями, оплевыванием, порабощение и работорговля, этнические чистки и геноцид, вендетта, убийства чести, дуэли, тюремное заключение, избияния, групповые изнасилования в тюрьмах и других местах, из которых нельзя выйти, терроризм.

Заметим, что каждая из этих пренеприятных практик в свое время была социально одобряема, многие имели статус нормативно обязательных, а некоторые использовались и до сих пор используются государствами как для дисциплинирования своих граждан, так и для борьбы с другими государствами.

Почему же одни практики почти исчезли, считаются неприемлемым кошмарным поведением, другие же широко распространены и воспринимаются как нормальные, даже необходимые?

Представим набор гипотез, обобщающих социологические и исторические наблюдения (Snooks 1996; Элиас 2001; Collins 2008; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Коллинз 2015; Malešević 2010; 2017).

- *Условия появления новых практик насилия.* При возникновении вызова-угрозы или вызова-возможности, когда активизация имеющихся ответных стратегий и обеспечивающих структур показала их бесполезность, при наличии или появлении в арсенале ингредиентов насильственной практики, при наличии или создании идейных оснований для оправдания насилия (прежде всего для дискредитации, ментального отчуждения его потенциальных жертв), а также при положительном подкреплении первых опытов применения (Скиннер, 1986), новые практики насилия, связанные с ними отношения, институты, организации становятся ответной стратегией на все подобные вызовы и главной обеспечивающей структурой для соответствующих предметов заботы. Это относится как к индивидуальному, так и к организованному насилию.
- *Устойчивость воспроизводства практик организованного насилия* предполагает следующие условия: предметы заботы, особенно значимые для элит и влиятельных групп, успешно поддерживаются такими практиками; доминирующее в обществе мировоззрение (религия, идеология, система ценностей) оправдывает принятые практики организованного насилия и дискредитирует, дискриминирует по тем или иным признакам его потенциальные жертвы; институты и организации, осуществляющие насилие, богаты ресурсами, легитимны, интегрированы с элитами.
- *Расширение функциональности практик организованного насилия.* При ресурсном богатстве соответствующих организаций, при налаженных структурах организационного строительства, рекрутирования и подготовки кадров, при появлении новых вызовов-угроз и вызовов-возможностей, напряжений, издержек, а также недостаточно обеспеченных в социальном порядке предметов заботы, практики организованного насилия опробуются в качестве ответных стратегий, а при успехе (положительном подкреплении) и при получении идейного обоснования применения насилия эти практики становятся обеспечивающими структурами для поддержания все более широкого круга предметов заботы.
- *Условия установления ограничений и запретов на практики насилия.* При появлении идей, противоречащих принятым практикам насилия, и при политическом выигрыше вооружившейся этими идеями коалиции, экономические, престижные властные, геополитические интересы

которой также противоречат допущению этих практик, будут введены соответствующие ограничения и запреты.

- *Условия свертывания ранее распространенных практик насилия:*
- возросли издержки привычных практик насилия, зачастую связанные с их противоречием новым идеям, образцам поведения;
- найдены успешные альтернативные ответные стратегии и обеспечивающие структуры, позволяющие поддерживать предметы заботы без этих практик;
- распространяются установки неприятия таких практик, делегитимирующие их исполнителей и заказчиков;
- дискредитированы институты и разрушены организации, реализовавшие эти практики, найдены места для их персонала;
- созданы организации, способные к эффективным практикам слежения, контроля и санкций за рецидивы осуществления криминализованных практик насилия.

Итак, каждая практика насилия, продолжительное время входившая в некоторый социальный порядок, была по-своему функциональна, соответственно условия ее появления, распространения, угасания можно сопоставить с вышеизложенными принципами, тем самым проверив их на валидность.

Демонстративные казни и пытки — проявление дикости или рациональное поведение?

Многие исследователи трактовали изощренные по жестокости публичные казни в Средние века, устрашающие пытки с дьявольским оборудованием, что практиковалось, в частности, испанской инквизицией в XVI–XVII вв., как выражение дикости, варварства, жажды жестокости, прорыва звериной природы, институционализированного садизма и т.д. (Элиас 2001, т.1: 271–285; Pinker 2011: 139–133). Видный специалист по проблемам насилия в истории Синиса Малешевич вполне резонно возражает:

«Эти акты имели четкое социологическое обоснование: пытки использовались в качестве средства коммуникации в целях укрепления существующих социальных связей. Сжигание ведьм, колесование мятежных крестьян и сажание на кол еретиков осуществлялись в качестве следующего сообщения “не осмеливайтесь оспаривать существующий религиозный, социальный и политический порядок”. Таким образом, применение пыток в поздней средневековой Европе не было случайным или иррациональным. Это был логичный ответ на орга-

низационную слабость социального порядка. Отсутствие организационной способности контролировать сотни тысяч мятежных крестьян означало, что и церкви, и аристократам пришлось наводить страх, проявляя в отдельных случаях наводящую ужас жестокость. В этом контексте жестокость действовала как заместитель отсутствовавшей инфраструктуры [контроля]» (Malešević 2017: 113).

Интерпретация С. Малешевица социологична и гораздо более правдоподобна, чем ламентации относительно «дикости» и «озверения», притом что трудно отрицать некую долю садизма у приказывающих и исполняющих жестокие пытки и казни. Рассуждение Малешевица подтверждает представленные выше положения об условиях появления новой практики насилия, ее воспроизводства и распространения (каждый может самостоятельно провести это сопоставление).

Более того, объяснение Малешевица полностью вписывается в модель козволюции социального и ментального порядков с учетом функциональности и издержек практик устрашения (Stinchcombe 1987; Розов 2018).

Крестьянские мятежи, религиозный протестантизм, всевозможные ереси (как антивластные идеологии того времени) представляли собой серьезные вызовы-угрозы для главного предмета заботы правящих и духовных элит: сохранения господства, политического режима и легитимизирующей его религии. Однако достаточных обеспечивающих структур для преодоления этой угрозы еще не было: ни разветвленной полиции, ни развернутой бюрократии для подушевого учета подданных, ни эффективных систем образования и пропаганды.

Поэтому стала применяться ответная стратегия устрашения, которая при повторах сама институализировалась (в частности, через развитие уже существовавшего института инквизиции), обрела персоналом палачей, впечатляющими орудиями пыток и казней, становилась особой частью социального порядка — обеспечивающей структурой для поддержания политического и духовного господства как главного предмета заботы.

Что касается «доли садизма», то здесь речь должна идти не о «прорывающемся зверином начале» (между прочим, звери не пытаются и не устраивают демонстративных казней), а о закономерном приспособлении психологических установок и склонностей субъектов жестоких практик как части ментального порядка. Дело в том, что без специфического осмысления ситуации, эмоционального настроения и поведенческих стереотипов трудно, если вообще возможно, регулярно вызывать чужие мучения и наблюдать за ними.

Верен ли «закон техно-гуманитарного баланса»?

Согласно этому закону, чем выше мощь производственных и боевых технологий (средств насилия, вооружений), тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества (Назаретян 2001). Если закон понимать как благопожелание, то особых возражений нет. Если же он претендует на статус объективного принципа социальной эволюции, то требуется уже теоретический и критический анализ.

Перед нами частный случай функциональной зависимости: новое эффективное оружие всегда становится вызовом-возможностью для обладающих им (тех, кто становится способным увеличить, расширить свое могущество), а также напряжением, вызовом-угрозой для всех тех, против кого это оружие может быть направлено.

При таком дисбалансе в краткосрочной перспективе всегда происходит перераспределение могущества. Однако поскольку эффективное оружие с наибольшей готовностью заимствуется, через какое-то время им начинают обладать все знакомые с ним сообщества, способные либо производить его сами, либо покупать. Повсеместно снижаются значения главной гомеостатической переменной (предмета заботы) — безопасности: новое оружие уже грозит всем.

Согласно упомянутому закону, при этом появляются более совершенные средства культурной регуляции. Таково конкретное выражение базовой зависимости в функциональной схеме А. Стинчкомба: при росте напряжений, ущерба для предмета заботы поддержание его требует адекватной обеспечивающей структуры. Принимаемые запреты на применение оружия, законы, суды, преследование и наказание нарушителей, а также мирные переговоры, соглашения на международной арене о неападении, об ограничении или запрете производить, применять отдельные виды вооружений — все это как раз и составляет компоненты социальных порядков, образующие требуемые обеспечивающие структуры.

Переход на более абстрактный, базовый уровень позволяет видеть прорехи в «законе техно-гуманитарного баланса». Увы, не только средства культурной регуляции могут быть использованы каждой группой, обществом, государством для повышения своей безопасности. Остаются также опции лишения потенциальных противников возможностей вооружаться, их изгнания, подчинения или полного уничтожения.

Немалое число случаев долгой оккупации, порабощения, этнических чисток, массовых принудительных переселений, геноцида показывают реальность таких ответных стратегий на вызовы-угрозы и вызовы-

возможности. Не только две мировые войны, но и последующие жестокие, кровопролитные войны в Корее, Вьетнаме, Анголе, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Украине, на Среднем и Ближнем Востоке показывают, что культурная регуляция никак не становится безальтернативной.

О чем действительно можно говорить, так это об умеренном уровне насилия начиная с 1950-х годов в сравнении с масштабом накопленных арсеналов оружия массового уничтожения (ОМУ). Здесь речь должна идти не о законе, а о факторе сложившегося паритета между главными ядерными державами. Действительно СССР и США после Карибского кризиса стали готовы и способны блокировать взаимные угрозы. Однако актуальная риторика с угрозами применения химического и биологического оружия, тактических ядерных ударов, разрушения дамб, «грязной бомбы» и пр. никак не свидетельствует в пользу закономерного и надежного снижения рисков.

Дальнейшая динамика масштабов войн и военных жертв будет определяться не каким-то объективным «законом», а влиятельностью международных организаций, призванных контролировать насилие, изменчивой конъюнктурой отношений между сильнейшими мировыми державами. То и другое подвержено множеству факторов, как закономерных, так и случайных. Чего нет, так это объективных исторических гарантий, обещанных «законом техно-гуманитарного баланса».

Каковы причины снижения насилия в обществах модерна?

Моральный и правовой прогресс, рост гуманности порядков и обществ обычно рассматриваются с точки зрения развития ценностей и появления соответствующих ограничительных норм. Для европейской традиции указывают на роль христианства, принципа веротерпимости, идей Просвещения, гражданского равенства, политического участия, правил ведения войн и т.д. (Пинкер 2021; Linklater 2016).

Однако само по себе появление и даже распространение новых гуманистических идей не производит существенных сдвигов в масштабе насилия. С. Малешевич убедительно отвергает благонамеренные объяснения снижения насилия внутри обществ через распространение гуманистических, эгалитаристских идей Просвещения (Malešević 2017: 120). Необходимо исследование условий усиления и угасания таких практик, а также условий, способствующих социальному одобрению или отвержению разных типов насилия, как индивидуального, так и организованного (в том числе государственного, «законного»).

Одним из важных достижений макросоциологии является обнаружение, прослеживание зависимости изменений социальных порядков

и соответствующей ментальности от геополитических процессов по принципу причинности «извне-внутри» (Коллинз 2015). Так Н. Элиас и Ч. Тилли объясняли генезис абсолютизма и обществ модерна на основе представлений о закономерном сдвиге ресурсов к государству от феодальной землевладельческой элиты, соответствующей монополизации легитимного насилия из-за развития военных технологий и объективного принуждения конкурировавших политий к концентрации силы (Элиас 2001: 91–194; Тилли 2009: 110–146). Сосредоточение силы и легитимного насилия в централизованном государстве (вначале в форме абсолютистских монархий) приводило, в свою очередь, к росту социального контроля над насилием внутри общества и соответствующим установкам — способностям его членов к самопринуждению. Элиас указывает при этом на теснейшую взаимосвязь между социальным и ментальным порядками:

«Вместе с монополизацией насилия в пространствах с установленным внутренним миром утверждается иной тип самоконтроля или самопринуждения. Это бесстрастное самообладание. Аппарату контроля и наблюдения, возникающему в обществе, соответствует аппарат контроля, формирующийся в психике индивида. Как тот, так и другой равно строго регулируют все поведение человека, все его страсти. Оба они — в немалой мере один посредством другого — оказывают постоянное и равномерное давление, вытесняющее спонтанные проявления аффектов. Это ведет к ослаблению колебаний от одной крайности к другой в поведении и в самом строе аффектов. Подобно тому, как монополизация физического насилия уменьшает страхи и ужасы перед тем, что можно ожидать от другого человека (а одновременно снижает возможность вызывать у других такие же страхи и подвергать их мучениям, т. е. возможность разрядки определенных аффектов), так и постоянный самоконтроль, к которому более или менее приучается индивид, уменьшает контрасты, сужает поле резких переходов в поведении и в разрядке разного рода аффектов. Индивид принуждается теперь к реорганизации всего психического аппарата, к непрестанному и равномерному регулированию как влечений, так и всех сторон своего поведения» (Элиас 2001: 247–248).

Действительно, в каждой новой фазе социальной эволюции возрастал контроль над индивидуальным насилием, с началом модернизации («долгий XVI век») появился и неуклонно усиливался полицейский аппарат, расширялись его функции (Филиппов 2011). Параллельно в ментальном порядке все больше интериоризировались внешние социальные нормы,

особенно связанные с контролем над насилием («цивилизующий процесс» у Н. Элиаса, развитие «диффузной власти» и «имманентной морали» у М. Манна). Успешность этой интериоризации прямо зависит от включенности в сети солидарности, причем такие, где индивидуальное насилие и нарушение закона отвергаются как противоречащие общим святыням и ценностям¹.

Снижение внутреннего насилия в обществах модерна парадоксальным образом связано с массовостью и общегражданским характером войн западных обществ с конца XVIII в. Следует обратить внимание, на то, что само распространение идей гуманности и гражданского равенства происходило отнюдь не гладко и мирно, а, напротив, через десятилетия беспрецедентных на то время масштабов насилия. Про революционные и наполеоновские войны после Французской революции хорошо известно. Однако продвижение американских ценностей свободы и равенства также сопровождалось немалым насилием.

«Новая американская республика приступила к серии собственных насильственных конфликтов. В дополнение к Американской войне за независимость (1775–1783), этот ряд включает ранние и последующие войны с индейцами, Первую и Вторую берберийские войны против Марокко, Ливии/Триполитании и Алжира, войну 1812 г. против Британской империи, Американо-мексиканскую войну (1846–1848), Флибустьерскую войну в Никарагуа (1855–1857), Первую и Вторую войны Кортины (1859–1861) против Мексики, а также различные краткие вторжения на Фиджи, Суматру, в Центральную Америку и Китай (Вторая опиумная война, 1856–1859). Как и во французском случае, здесь организованное насилие было направлено внутрь страны и вовне. Главными жертвами внутреннего насилия стали коренные американцы [индейцы], которые были в значительной степени истреблены новым государством и поселенцами» (Malešević 2017: 122).

Как видим, гуманные идеи Просвещения не приводили к умиротворению, но их восприятие было революционным, связанным с периодами

¹ Неслучайно во многих странах Запада тюрьмы наполнены представителями тех расовых, этнических групп, где солидарность основана на иных началах. Не только в социальных группах, но и в целых странах, где по каким-то причинам бюрократические, полицейские формы контроля, каналы внушения ненасильственных установок не работают (не восприняты, отторгаются), преобладают прежние жестокие формы насилия: от регулярных побоев в семье до кровавых мятежей и революций. Слабость эффективного контроля на международном уровне оставляет возможности для войн и терроризма.

эскалации внутреннего насилия и внешних международных войн. И все же нет сомнений, что распространявшиеся во многом благодаря Американской и Французской революциям идеи гражданского равенства, правового общества, демократии, естественных прав, принципы защиты жизни и достоинства каждого гражданина силами государства внесли существенный вклад в последующее снижение внутреннего насилия в странах Европы, Северной Америки, а затем и за их пределами.

Как же связать этот тренд умиротворения с начальными периодами эскалации насилия в обоих случаях? Заметим, что «свобода, равенство, братство» относились прежде всего к «своим» — к нации, гражданам. «Враги нации» во Франции, индейцы как «дикие, жестокие варвары» и негры («предназначенные своей расой быть рабами») в Америке в круг этих «своих» в первые десятилетия после революций не попадали. Соответственно нормы «естественных прав», «гражданского равенства» и тем более «братства» на всех этих «чужих» не распространялись.

Тем более это касалось внешних военных противников, будь то антиреволюционная, позже антинаполеоновская коалиция европейских держав для Франции или берберы (жители Северной Африки), мексиканцы, никарагуанцы, испанцы для США. Судя по всему, здесь имел место классический эффект внутреннего сплочения как следствия конфликта с внешним противником (Г. Зиммель, Л. Козер). Данный эффект объясняется в теории Э. Гофмана и Р. Коллинза ростом интенсивности интерактивных ритуалов солидарности при наличии общих символов и идентичностей, когда безопасность, могущество, престиж зависят от взаимной поддержки, сплоченности (Гофман 2009; Collins 2004). Как раз военные успехи особенно сильно способствуют такой солидарности, что было характерно для французских революционных, наполеоновских войн начального периода, триумфального расширения Штатов за счет вытеснения, уничтожения индейцев, захвата испанских и мексиканских территорий.

Дальнейший ход событий не был безоблачным ни во Франции, ни в США. Крушение империи Наполеона, национальное унижение, попытка Реставрации существенно подорвали ту самую гражданскую солидарность во Франции, что стало почвой для бурных потрясений, новых революций в 1830, 1848 и 1870 годах. Кровопролитная Гражданская война в США произошла как раз в связи с острейшим расхождением Севера и Юга относительно допустимости рабства — вопроса об естественных правах и гражданском равенстве. Отметим, что основными результатами взрывов насилия, а в США — кризисов в связи с борьбой против сегрегации уже в XX в., недавних уличных беспорядков с участием движения BLM (Black Lives Matter) — стали очередные шаги, ступени в продвижении

тех же принципов гражданского равенства, в том числе с претензиями на вездесуде за прежние унижения.

По какой причине побеждавшие коалиции брали на вооружение идеи, ограничивающие насилие, не вполне понятно. Здесь важно не поддаваться привычкам к национальному самовосхвалению и ходовым мифам («наша исконная доброта и всечеловечность», «наше свободолюбие», благотворность Просвещения, Модернизации, Интернета и т.п.) Социологически правомерным является объяснение через совместное действие нескольких факторов (Коллинз 2015: 259–303; Розов 2018):

- а) секуляризация смещала основной тип легитимации власти от церкви и династической преемственности к демократическим выборам;
- б) продолжавшаяся капиталистическая индустриализация повышала влияние буржуазии, заинтересованной как в ликвидации сословных привилегий (во Франции), так и в расширении рынков труда, земли и капиталов (во Франции и США), что вполне согласовывалось с принципами гражданских свобод;
- в) сильные рабочие, профсоюзные движения заставляли с собой считаться, поэтому политические элиты, нуждавшиеся в низовой поддержке, провозглашали уже привычные гражданские и демократические ценности и в какой-то мере должны были им следовать, попав во властные структуры.

Такого рода объяснение подтверждается в контрастном случае следствий Русской революции 1917 г. До 1960–1970-х годов в СССР не происходило реального внутреннего умиротворения, хотя коммунистические идеи в той же мере были наследниками Просвещения, что и западный либерализм. Кроме того, революционные идеалы «свободы, равенства, братства» неизменно входили в арсенал официальной советской риторики.

Рассмотрим тот же ряд аспектов:

- а) принцип легитимации власти был смещен, но не к демократическим выборам, а к сакрализации идеологии, партии и вождя, поэтому «чужими» оказывались все считавшиеся недостаточно лояльными, что оправдывало для элит и масс масштабные репрессии;
- б) индустриализация имела не капиталистический, но сверхцентрализованный государственный (плановый) характер, соответственно никакого объективного интереса правящей бюрократии и хозяйственных элит в рынках труда, земли, капиталов, а значит, в правах, свободах граждан не могло возникнуть;
- в) самостоятельного, способного к сопротивлению рабочего, профсоюзного движения не было, соответственно, у правящей бюрократии не было потребности делать какие-либо уступки.

Относительная нормализация внутреннего порядка с середины 1950-х годов, некоторое умиротворение в 1960–1970-е годы объясняются как давлением элит, заинтересованных в гарантиях безопасности (символом чего стало «разоблачение культа личности»), так и действительно возросшей солидарностью советского народа, чему послужили триумфальная победа 1945 г., глобально признанные успехи в космосе, надежды на закономерное достижение мирового лидерства, на коммунистическое развитие бывших колоний европейских держав и т.п.

К тому же все большую роль играло глобальное соревнование двух систем. В 1970-х уже нельзя было игнорировать достижения западных стран в обеспечении внутреннего порядка и гражданских прав. В этом плане Хельсинкские соглашения не были случайностью, хоть по понятным причинам приводили к перманентным напряжениям относительно соблюдения декларированных принципов.

Является ли современный рост внешнего и внутреннего принуждения ростом скрытого насилия над личностью?

С. Малешевич считает, что даже в самых продвинутых современных обществах не стало меньше насилия, оно лишь приняло иную форму: интенсивного внешнего контроля и внутреннего принуждения (Malešević 2017: 308–312). Однако если контроль и внутреннее принуждение широко одобряются, например как запреты красть, грабить, жульничать, публично оскорблять и унижать, домогаться против желания, шантажировать и т.п., то с точки зрения гуманности порядков такие контроль и принуждение следует только приветствовать, ведь они защищают человека, его свободу, достоинство, собственность от чужих посягательств.

Всегда ли внешний социальный контроль оправдан? Отнюдь. Известны случаи, когда вследствие гипертрофии норм политкорректности увольняли ценных специалистов за шутки, анекдоты и даже комплименты женщинам, воспринятые как оскорбительный сексизм. Здесь на первый план встают вопросы о границах оправданности социального контроля и принуждения, особенно в таких сферах, как ювенальная юстиция, сексуальное домогательство, речевые оскорбления, правила приличия в общественных местах, на театральной сцене и т.п.

В то же время за пределами обществ модерна продолжают вполне буртальные практики индивидуального и организованного, в том числе государственного, насилия, они проникают и в современные общества в форме терроризма, спорадических военных угроз, пограничных конфликтов, агрессивных войн с аннексиями захваченных территорий. Государства модерна в качестве ответных мер под флагом обеспечения безопасности

наращивают военную мощь. Авторитарные режимы усиливают полицейский контроль над гражданами, что всегда чревато ограничениями в правах и свободах. Таковы парадоксальные характеристики начавшейся в XXI в. модернизации-3 после первой ранней модернизации XVI–XVIII вв. и второй классической модернизации XIX–XX вв.

Если отказаться от уэллсовского сценария жесткого деления человечества на элоев и морлоков, то становится неизбежной задача распространения гуманных порядков на те места планеты, которые не испытали даже первые этапы модернизации, т.е. где люди живут в фазах ранней государственности (некоторые страны Центральной Африки) или же вовсе соскользнули к варварству (таковы случаи Сомали, Афганистана, Ливии, где доминируют отряды боевиков — некое подобие древних чифдомов).

Модернизация-3 понимается здесь как современный переходный период, включающий следующие противоречивые тенденции:

- глобализация, революции в мобильной связи, энергетике, биотехнологиях, робототехнике, рост безработицы и напряжений в связи с этим;
- рост поляризации между наиболее богатыми, развитыми и бедными, отсталыми странами; продолжение или даже усугубление голода, эпидемий, насилия, бедствий во многих местах Африки, Азии, Южной Америки, соответствующее усиление антропопококов;
- демократический транзит и его срывы; авторитарные режимы увеличивают свою экономическую, военную мощь и внешнеполитические претензии на фоне кризисных явлений в прежних «образцовых» демократиях;
- продолжение секуляризации и ее противоположность — десекуляризация с новым подъемом фундаментализма, в том числе агрессивного; рост терроризма и международные усилия по борьбе с ним; появление зон затяжной турбулентности;
- обычные войны то уступают место гибридным, то вспыхивают во вполне традиционной «горячей» форме (на Ближнем Востоке и даже в Европе).

Завершение модернизации-3 и переход к новой конфигурации как устойчивому сочетанию социального, ментального и техноприродного порядков может быть завершён только при решении масштабной задачи втягивания проблемных мировых регионов в цивилизацию с эффективным контролем над внутренним насилием, что займет как минимум несколько десятилетий.

В каком-то смысле требуется элиасовский цивилизующий процесс, только направленный уже не на придворных, дворян, подданных или

граждан одного общества, а на огромные территории с населением, страдающим от внутреннего насилия, на гнезда рецидивирующего терроризма, на репрессивные и агрессивные режимы. Преодоления требуют как волюнтаристские «проектные» («прогрессорские») подходы, так и пассивное упадничество.

Современный гуманизм не отделим от принципа верховенства права, который по завещанию И. Канта должен быть наконец распространен на международные отношения и даже на геополитику (Кант 1994 [1784]). Эти принципы указывают на необходимость сочетать спланированные действия, обязательную постоянную межкультурную коммуникацию с опорой на знание о закономерностях «естественной» динамики порядков, условий и механизмов трансформации политических режимов.

Только такое соединение твердой воли гуманистически ориентированных обществ, международных коалиций с современными достижениями макросоциологии, других социальных наук способно направить глобальную политику в русло гуманизации, а значит, надежного внешне-го правового и внутреннего морального контроля над насилием. Но это уже большая тема для отдельной работы.

Литература

Гофман И. (2009) *Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу*. М.: Смысл.

Кант И. (1994 [1784]) *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*. Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках*. М.; Марбург: Ками. Т. 1: 79–123.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. Пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС.

Назаретян А.П. (2001) *Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: синергетика, психология и футурология*. М.: ПЕР СЭ.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М: Издательство Института Гайдара.

Пинкер С. (2021) *Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше*. Пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина диджитал.

Розов Н. С. (2018) Коэволюция трех порядков — объяснение динамики российских циклов. *Социологические исследования*, 2018, 9: 12–22.

Розов Н. С. (2019) Антропостасия (защита человека) — этическое ядро гуманизма. *Этическая мысль*, 2019, 19(1): 141–156.

Скиннер Б. Ф. (1986) *Оперантное поведение. История зарубежной психологии. Тексты*. М.: МГУ: 60–95.

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М.: Территория будущего.

Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования.* В 2 т. Пер. с нем. А. М. Руткевича. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга.

Collins R. (2004) *Interactive Ritual Chains.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Collins R. (2008) *Violence: A Micro-Sociological Theory.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Linklater A. (2016) *Violence and Civilization in the Western States-Systems.* Cambridge: Cambridge University Press.

Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence.* Cambridge: Cambridge University Press.

Malešević S. (2017) *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence.* Cambridge: Cambridge University Press.

Pinker S. (2011) *The Better Angels of our Nature. The Decline of Violence in History and its Causes.* London: Allen Lane.

Sanderson S. (1995) *Social Transformations: A General Theory of Historical Development.* Hoboken, NJ: Blackwell.

Snooks G. (1996) *The Dynamic Societies. Exploring the Sources of Global Change.* L.; N.Y.: Routledge.

Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories.* Chicago; L.: The University of Chicago Press.

HUMANISM OF ORDERS AND ORGANIZED VIOLENCE: AN ANALYSIS OF SOCIAL EVOLUTION TRENDS

Nikolai S. Rozov (nrozov@gmail.com)

The Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences, Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. (2022) Gumannost poryadkov i organizovannoye nasiliye: analiz tendentsiy sotsial'noy evolyutsii [Humanism of orders and organized violence: an analysis of social evolution trends]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 28–45 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.2>

Abstract. The model of co-evolution of social and mental orders is used to theorize the changing functions and scope of organized violence in history as the most important factor in the humanity of orders. Humanity in the article refers to the protection of freedom, dignity of individuals and their communities, access to culture, opportunities to achieve their goals and values (the principle of anthropostasia). Particular attention is paid to organized violence as a functional (though not always effective) part of the structures that provide a variety of objects of concern: protection from external attack, suppression of rebellions, collection of tribute and taxes, the demonstration of strength and power, deterrence, preservation of honor, prestige in retaliation, legal punishment for crimes, including violent ones. The principles of emergence, spread and extinction of the practices of organized violence are formulated. In this context, the analysis of “the principle of techno-humanitarian balance”, the problem of (ir)rationality of brutal torture and public executions, the causes of decrease and growth of internal violence in different types of modern societies are conducted. The continuing expansion of external and internal coercion does not necessarily mean an increase in violence, but rather often protects people's freedom and dignity, that is, it contributes to the growth of humanity. A fundamental boundary becomes the justifiability of coercive practices. The main characteristics and tensions of the current stage of modernization, fraught with the escalation of mass violence, as well as the principles of global strategies to overcome these challenges, are indicated.

Keywords: violence, coercion, macrosociology, coevolution of orders, historical dynamics, social order, mental order, rule of law.

References

- Collins R. (2004) *Interactive Ritual Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collins R. (2015) *Makroistorija. Ocherki sociologii bol'shoj dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run], Moscow: URSS (in Russian).
- Collins R. (2008) *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Elias N. (2001) *O processe civilizacii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija* [The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Studies]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaja kniga (in Russian).

Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodejstvija: Očerki povedenija licom k licu* [Interaction Ritual: Essays in Face to Face Behavior]. Moscow: Smysl (in Russian).

Kant I. (1784/1994) *Ideja vseobshhej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane* [The Idea for the Universal History with the Cosmopolitan Purpose]. In: Kant I. *Sochineniya na russkom i nemetskomazykakh* [Works in German and Russian]. Moscow; Marburg: Kami. Vol. 1: 79–123 (in Russian).

Linklater A. (2016) *Violence and Civilization in the Western States-Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Malešević S. (2017) *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Nazaretyan A. P. (2001) *Civilizacionnyje krizisy v kontekste universal'noj istorii: sinergetika, psihologija i futurologija* [The Crises of Civilizations in the Context of Universal Theory: Synergetics, Psychology and Futurology]. Moscow: PER SE (in Russian).

North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii piš'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).

Pinker S. (2021) *Luchšee v nas. Pochemu nasiliya v mire stalo menšše* [The Better Angels of our Nature. The Decline of Violence in History and its Causes]. Moscow: Alpina Didgital (in Russian).

Rozov N. S. (2016) *Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosociologija filosofii, nauki i obrazovanija* [Ideas and Intellectuals in the Stream of History: Macrosociology of Philosophy, Science and Education]. Novosibirsk: Manuscript (in Russian).

Rozov N.S. (2018) *Kejevoljucija treh porjadkov — ob'jasnenie dinamiki rossijskich ciklov* [Coevolution of Three Orders: Explaining the Dynamics of Russian Cycles]. *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological Studies], 9: 12–22.

Rozov N. S. (2019). *Anthroprostatia (zashhita cheloveka) — etičeskoe jadro gumanizma* [Anthroprostatia (Protection of a Human) is the Ethical Core of Humanism]. *Eticheskaja mysl'* [Ethical Thought], 19(1): 141–156 (in Russian).

Sanderson S. (1995) *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Hoboken, NJ: Blackwell.

Skinner B. F. (1986) *Operantnoe povedenie* [The Operant Conditioning]. In: *Istorija zarubezhnoj psihologii. Teksty* [The History of Foreign Psychology]. Moscow: Moscow State University: 60–95 (in Russian).

Snooks G. (1996) *The Dynamic Societies. Exploring the Sources of Global Change*. London; New York: Routledge.

Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992* [Coercion, Capital and European States, 990–1992]. Moscow: Territoriya budušchego (in Russian).